

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ИСТОРИК МАРКСИСТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

*Н. М. ЛУКИН (отв. редактор),
М. С. ЗОРКИЙ (зам. отв. редактора),
Х. Г. ЛУРЬЕ, А. М. ПАНКРАТОВА,
И. В. ФРОЛОВ, Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ*

ТОМ 5—6 (45—46)

1935

ОГИЗ—СОЦЭКГИЗ

7888

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2013
<http://istmat.info/vive-liberta>

Историк-марксист. 1935, № 5-6. С.88-116

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2013

наша библиотека <http://istmat.info/vive-liberta>

все материалы о Рисорджименто:

<http://istmat.info/node/30635>

Сергей Данилович Сказкин

КАВУР И ВОССОЕДИНЕНИЕ ИТАЛИИ

В судьбе Италии и Германии, завершивших к началу 70-х годов свое национальное воссоединение, можно подметить много общих черт.

Обе страны были с давних пор раздроблены на множество мелких государств. Обстановка и в той, и в другой стране в XII—XVI вв. была мало благоприятна для объединения. Торговые города-республики Италии, северно-немецкие города, входившие в состав торгового союза Ганзы, южно-немецкие города с крупными торговыми фирмами и банкирскими домами—все они были мало заинтересованы в национальной консолидации, так как своими торговыми и денежными операциями они были связаны с торговыми центрами, лежавшими за пределами их собственной страны. Промышленное развитие, заметное и в итальянских городах-республиках и в Германии (особенно в южногерманских государствах и в вольных городах), было еще слишком слабым, чтобы внушить буржуазии ясно осознанную цель—овладение внутренним рынком в границах своей национальности, хотя зачатки идеи национального объединения в соответствии с некоторыми успехами промышленного развития все же были налицо.

Переход торговых путей и центра экономического развития Европы на берега Атлантического океана (XVI в.) сопровождался упадком старых центров средиземноморской и балтийской торговли.

Центробежные силы итальянского и германского общества в лице многочисленных территориальных князей и окружавшего их дворянства одержали решительную победу над слабыми центростремительными силами, над материально ослабевшей буржуазией. В Германии крупнейшую роль сыграло поражение крестьянской революции 1525 г., которое разрушило последние надежды на общую реформу «Священной римской империи германской нации».

Результатом этого явились политическое распыление и немощь этих двух стран в международных отношениях. В XVII и XVIII вв. Италия и Германия—лишь «неорганизованные территории» (С т а л и н), географические понятия—служат своего рода рынками пушечного мяса, покупаемого их более богатыми и сильными западными соседями в интересах их собственной внешней политики.

Сходство исторического процесса, в результате которого обе страны остались политически распыленными, в то время как их соседи с Запада и с Востока превратились в крупные государства, обусловило и черты сходства в дальнейшей истории. Денежное хозяйство и мелкодержавный абсолютизм усиливали значение чиновничества и интеллигенции, слабость и медленный ход промышленного развития задерживали рост национальной буржуазии. Объективная возможность национального объединения (потребность во внутреннем рынке, в национальных границах) была еще слаба в тот момент, в начале XIX в. когда идея национальности сделалась революцион-

ным лозунгом, а наполеоновские войны принесли с собой веяния новых времен и вместе с тем дали почувствовать покоряемым народам все невыгоды политического разъединения.

И в Германии и в Италии в начале XIX в. мелкобуржуазная интеллигенция, воспринявшая демократические лозунги буржуазной революции XVIII в. во Франции, стала на первых порах носителем идеи национального объединения революционным путем. Но в Пруссии в эпоху наполеоновских войн благодаря слабости и трусости буржуазии руководство национально-освободительным движением попало в руки дворянства. Итальянские патриоты-демократы, устраивавшие в первой половине XIX в. многочисленные заговоры и восстания против деспотизма мелких итальянских тиранов, южно-немецкие демократы, мечтавшие об единой свободной Германии, вынуждены были скоро сознаться в том, что все их попытки и благие пожелания не приводят ни к какому результату. Нужно было, чтобы наряду с этими демократами-патриотами в Италии появился новый слой зажиточной промышленной буржуазии, которая далеко не была склонной к демократическим идеям, но зато поставила бы задачу национального объединения на практическую почву своих экономических интересов. Из двух возможных путей национального объединения, т. е. демократической революции снизу или буржуазно-помещичьей «революции сверху», в конечном счете и в Германии и в Италии восторжествовал второй, хотя в Италии объединение «сверху» было прямым результатом нарастания революционного движения народных низов, тогда как в Германии эти низы, несмотря на рост революционных настроений в 60-х годах, выступали менее активно. Вот почему и Германия и Италия после объединения стали далеко не демократическими государствами и оказались мало похожими на тот идеал государственного устройства, который лелеяли в начале столетия демократы-патриоты обеих стран.

I

К середине XIX в. Италия все еще продолжала существовать как «географическое понятие». 23—24-миллионное население Италии, включая сюда и 5½ миллионов, находившихся под австрийским владычеством, весьма неравномерно распределялось по ее семи государствам (не считая «опереточных» государств Монако и Сан-Марино)¹. На севере, в Пьемонте или Сардин-

¹ Герцогство Лукка в 1847 г. вошло в состав Тосканы, а небольшая часть его была присоединена в Модене. Для середины XIX в. статистика позволяет установить цифры населения лишь весьма приблизительно. Сольми (S o l m i, The making of the modern Italy, London 1925) дает для 20-х годов следующие цифры: 1) Ломбардо-Венеция в 1825 г.—4 250 000 чел., в 1855 г.—5 500 000 чел. Главные города—Милан (центр хлопчатобумажного производства) и Венеция (торговля и шелковое производство). Эта часть Италии в экономическом отношении была тогда наиболее процветающей, и поэтому цифры роста ее населения не показательны (см. С о л ь м и, цит. соч., стр. 9); 2) Пьемонт (с о. Сардинией)—4 000 000 чел., главный город Турин (хлопчатобумажное производство и позже—тяжелая индустрия) и Генуя (шелковое производство и торговый порт). Это—вторая по экономическому значению часть Италии. К середине XIX в. здесь был тоже значительный прирост населения, и население составляло не меньше 5 млн. чел.; государство Средней Италии: 3) герцогство Парма (Парма, Пьяченца и Гвасталла)—около 100 000 чел., 4) герцогство Модена (Модена, Реджио и Масса Каррара)—около 100 000 чел. С присоединением в 1847 г. частей герцогства Лукки и Гвасталлы численность населения достигла около 500 000 чел. Центр добычи белого мрамора и место постоянных рабочих волнений (Каррара); 5) великое герцогство Тоскана, главный город Флоренция, с его старинным шерстяным производством, теперь уже в упадке—1 500 000 чел.; 6) Папские владения (Римская область, Анкона, Умбрия и Романья)—с главным городом Болоньей)—2 500 000 чел. и 7) Неаполитанское королевство или королевство обеих Сицилий, главный город Неаполь (шелковое производство, вывоз хлеба) и Палермо в Сицилии (вывоз хлеба)—7 500 000 чел. Итого 21 600 000 чел. Принимая поправку на три десятилетия и несомненный рост населения в связи с общим, хотя и не очень значительным подъемом, мы получим цифру в 23—24 млн. чел. По статистике 1862 г. (т. е. без Венецианской области и Рима), в Италии было 21 777 334 чел., в 1872 г.—26 801 154 чел.

ском королевстве, единственном из итальянских государств, сохранившем конституцию после поражения революции 1848 г., и в так называемом Ломбардо-венецианском королевстве, скрывавшем за пышным титулом простую австрийскую провинцию, сосредоточивалась основная масса населения—около 10 млн. чел. Средняя Италия состояла из герцогств Пармы и Модены, великого герцогства Тосканы и так называемых папских владений и насчитывала около 5 млн. чел., Парма и Модена были микроскопическими государствами, и главная часть населения приходилась на долю Тосканы и папского государства. Самым большим по территории и самым многолюдным было Неаполитанское королевство (около 8 млн. чел.), занимавшее весь юг полуострова и Сицилию.

Несмотря на несомненное развитие промышленности, она в 50-х годах в ее важнейших и исконных итальянских отраслях—шелковой и шерстяной—покинулась на старом основании мелкого производства (деревенское ремесло, кустарная промышленность) или в лучшем случае на мануфактуре. Застрельщиками крупной капиталистической промышленности в Италии, как и везде в Европе, были хлопчатобумажное производство и позднее тяжелая промышленность, сосредоточенные почти исключительно на севере (Милан, Турин, Венеция, Бергамо, Комо и др.). Но абсолютные размеры тяжелой промышленности были в это время невелики, пролетариат немногочислен, и его влияние в социальных и политических движениях было еще мало заметно. Основная масса трудящихся состояла из к р е с т ь я н.

Подводя итоги 1848 г. и взвешивая шансы итальянской революции в будущем, Энгельс писал Марксу (23 сентября 1851 г.): «Счастье, что страна, в которой вместо пролетариата только лазарони, имеет, по крайней мере, хотя половников»². Энгельс указывал здесь на наиболее типичные и с точки зрения интересов революции наиболее важные элементы в крестьянстве.

Но в итальянских государствах буржуазия оказалась неспособной возглавить крестьянство в борьбе с феодальным государством, как это сделала французская буржуазия во время своей революции конца XVIII в.

Социально-экономическое положение итальянских крестьян в 50-е годы, несмотря на общность нищеты и низкого хозяйственного и культурного уровня, давших повод Марксу приравнять итальянское крестьянство к ирландскому³, было все же далеко не однородным. Законодательство XVIII в., Наполеон и последующие частичные реформы 30-х годов XIX в. пробили брешь в системе феодально-аграрных отношений. Мало того, самое развитие аграрных отношений в Италии в течение многих веков имело по сравнению с Англией, Францией, Западной Германией некоторые своеобразные черты, которые выражались в несравненно большем и более раннем вмешательстве буржуазии в сферу аграрных отношений. В результате этого вмешательства буржуазия оказалась заинтересованной в эксплуатации крестьянства, и поэтому союз между ними становился невозможным для буржуазии и бесполезным для крестьянства. Политическое господство буржуазии, как правило, приводило к упадку феодального дворянства, которое частично ассимилировалось с буржуазией, частично разорялось, но и в том и в другом случае или вовсе исчезало, или во всяком случае теряло силу и влияние в прямой борьбе с городами и буржуазией. Крестьянство получало личную свободу в тех случаях, когда оно ее не имело, но общее экономическое и социальное положение его далеко не всегда улучшалось, так как место феодала теперь занимал буржуа.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, М.—Л., Соцгиз, 1931 г., с. 60.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, с. 112 (Маркс — Вейдемейеру, 11 сентября 1851 г.).

Этот буржуа использовал свою политическую власть, для того чтобы превратить крестьянина из феодального держателя в арендатора-половника, сгоняемого с земли по воле земельного собственника. Таково происхождение половничества во многих местах Италии XIX в.⁴

Эти процессы особенно интенсивно шли во Флоренции, Пизе, Сиене, где дворянство исчезло совершенно, а крестьянство Тосканы целиком превратилось в половников, арендовавших земли у городской буржуазии. Но эти процессы сильны были и в других городах-республиках, например в Венеции⁵.

Меньше всего оказались затронутыми юг и крайний северо-запад. Аналогичный процесс перехода феодальных земель в руки буржуазии произошел на юге в связи с распродажей национальных имуществ в эпоху господства французов (начало XI в.).

В первой половине XIX в. мы имеем такую картину аграрных отношений в Италии. В Пьемонте и Ломбардо-венецианской области (за исключением горных районов, где сидели мелкие крестьяне-собственники) основная масса крестьян превратилась в арендаторов-половников, сидевших на землях крупных землевладельцев-дворян. В 30-х и 40-х годах землевладельцы-дворяне начали заводить крупные хозяйства (особенно рисовые), связанные с искусственными поливами и дорогостоящими каналами, питавшимися из горных рек, и производили продукты на вывоз. Они начали систематически сгонять половников с их участков, создавая таким путем «свободные» рабочие руки как для себя, так и для городской промышленности севера.

Положение крестьян в остальной части Италии было тоже далеко не однородно. До господства французов в Неаполитанском королевстве первенствующую роль в социально-экономической жизни играло феодальное дворянство. После отмены феодалов и фидеикомиссов и после распродажи церковных имуществ (законы 2 августа и 1 сентября 1806 г. и закон 1809 г.), на сцене появляется средняя буржуазия, скупавшая земли. Основной ее слой составляло «дворянство мантии», затем чиновничество и мелкая буржуазия. Эти новые «дворяне», получившие в насмешку название *galanti uomini* («дворянчики»), использовали законодательство в своих интересах. Крестьянство, за исключением незначительного верхушечного слоя, принявшего участие в приобретении национальных имуществ, оказалось теперь в экономической зависимости уже не только от дворянства, но и от буржуазии.

Социальные последствия такого распределения земельной собственности не замедлили проявиться. Уже в 1848 г. эта группа буржуазии оказалась далеко не на стороне революции⁶.

С другой стороны, буржуазия не была поддержана крестьянскими массами, которые, как указывал Маркс, можно было бы привлечь на сторону революции положительной программой превращения половников в мелких

⁴ См. капитальную работу Alfred D o r e n, *Italianische Wirtschaftsgeschichte*, B. I, Iena 1934. Эта работа является последней по времени сводкой громадного материала по экономической истории Италии. К сожалению этот первый том работы недавно умершего исследователя доведен до начала XVI в., т. е. до времени экономического упадка Италии. Но автор прямо указывает на очень раннее происхождение половничества и захвата земли буржуазией и ставит с ним в прямую связь парцеллярное хозяйство Средней Италии новейшего времени (с. 193—242, особенно с. 200, 209 и 214—215). По статистике начала 80-х годов XIX в., в Эмилии, Лигурии и Тоскане половина владений имела меньше одного гектара, а из остальной половины две трети — меньше 20 гектаров. В общем в Италии из 3¹/₂ млн. владельцев 3 млн. чел. платят ежегодно меньше 20 лир поземельного налога. См. А. И. Чупров, Реформа земледелия в Италии в сборнике «Крестьянский вопрос», Москва 1909 г., с. 4—7.

⁵ L o r e n, *op. cit.*, p. 209.

⁶ A. A n z e i o t t i, *Movimenti e contrasti per l'unita italiana*, p. 239—240.

свободных землевладельцев, но в этом никак не были заинтересованы ни дворянство, ни буржуазия⁷.

Континентальная часть Неаполитанского королевства, экономически сливающаяся с Средней Италией, была страной мелкого феодального крестьянского хозяйства. Под влиянием роста хлебного вывоза это хозяйство переходило к культуре пшеницы и маиса (главных предметов вывоза), продолжало еще сохранять известную долю хозяйственной самостоятельности и находилось в несколько лучшем положении, чем крестьянское хозяйство севера или Сицилии. Во время господства французов (когда продавалась земля, конфискованная у церквей и монастырей) часть крестьян стала мелкими собственниками, другая—арендовала землю на довольно льготных условиях у крупных землевладельцев, которые сами пока еще не решались переходить к непосредственной эксплуатации своих земель и предпочитали выгодно сбывать хлеб, поступавший к ним в виде арендной платы.

Эти тенденции с особенной силой проявились после реформы 30-х годов, отменившей феодальные права в Неаполе и Сицилии. Тяжелее всего приходилось крестьянам в Сицилии. Крупное феодальное землевладение—знаменитые сицилийские латифундии, эксплуатируемые в основном при помощи мелкой крестьянской субаренды, — подвергало крестьян двойной эксплуатации: со стороны землевладельца и со стороны крупного съемщика-арендатора, часто выходяца из крестьянской же среды. В результате мы встречаемся, особенно на юге, с постоянными захватами помещичьих земель, отказами платить арендную плату и кровавыми расправами с помещиками. Неорганизованная классовая борьба крестьянства нашла свое выражение в своеобразном бытовом явлении итальянской жизни — в систематическом и непрекращающемся разбое (brigantaggio), которым занимался наиболее непримиримые элементы крестьянства, тогда как остальная его часть питала непрекращающуюся эмиграцию за океан, возраставшую в течение XIX в. и особенно усилившуюся после объединения, «когда мужик понял, что его обошли»⁸.

Характерной чертой эволюции дворянства в Италии было постепенное слияние его интересов с интересами крупной буржуазии («пьемонтского слоя», по Герцену, или консортерии). Вывоз за границу хлеба и риса (на котором дворянство уже успело сколотить солидные капиталы) был настолько прибылен, что в некоторых местах, особенно на севере, дворянство от торговли хлебом, получаемым в виде арендной платы с половников, стало переходить к организации собственных крупных хозяйств на рациональных основаниях и затрачивало большие капиталы на орошение Ломбардской равнины водой альпийских рек. Дворяне вкладывали капиталы в банки, железнодорожные предприятия и в промышленность. Рост последней и увеличение емкости внутреннего рынка сулили им новые барыши. Дворянство становилось либеральным, и на севере из его среды вышли политические деятели, проповедывавшие объединение Италии, правда, главным образом в форме федерации (Бальбо, Д'Азелио, Санта-Роза, Кавур в ранний период его деятельности).

Крупная итальянская буржуазия, процветавшая, как и везде в Европе, после 1848 г. под влиянием «опыта» февральских и мартовских революций была проникнута тем благоразумием и той умеренностью, которых не могла поколебать даже австрийская капральская палка. Национальное объединение было для итальянской буржуазии практической необходимостью. Этому трезвому практицизму ее, утерявшему последний налет революционной романтики, соответствовала сухая либерально-рационалистическая идеология, в которой конституционная монархия и «моральный» авторитет

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, с. 59—60 (Маркс—Энгельсу, 13 сентября 1851 г.).

⁸ Anselotti, op. cit., p. 242.

папы («чем меньше папа обременен земными заботами, тем выше его духовный авторитет»), говорили либералы в 50-х годах) рассматривались цинично и трезво как средство установления прочного порядка, благоразумного прогресса и, самое главное, как средство приведения рабоче-крестьянских масс к неукоснительному послушанию, особенно в момент того исторического поворота, когда эти массы в Италии должны были превратиться из подвергавшегося феодално-крепостнической эксплуатации обнищавшего мелкого крестьянства в городских пролетариев, батраков и мелких арендаторов. В аграрном вопросе буржуазия выступала единым фронтом с дворянством: барыши, перепавшие на ее долю от «голодного вывоза» итальянского хлеба, зависела полностью от общей системы аграрных отношений, в основе которых лежала натуральная аренда. Ее энтузиазм шел по линии банкового и железнодорожного учредительства и великих барышей.

Носителем идеалов демократической революции и полного объединения Италии попрежнему была мелкая буржуазия. В массе своей она состояла из мелких торговцев, ремесленников и интеллигенции (чиновников, юристов и деревенских священников). Она была придавлена нуждой или находилась на службе у реакционных правительств и церкви. Ее лучшие слои—революционно-демократическая молодежь—питали лютую ненависть к полицейскому режиму мелких итальянских деспотов, попиравших свободу мысли и оскорблявших человеческое достоинство их отцов и братьев, принужденных служить проклятому старому порядку. Они были преисполнены республиканско-якобинского энтузиазма и, воодушевленные идеей национального объединения, чувствовали себя патриотами всех угнетенных отечеств. Сельские патеры тоже внесли свою долю в это воодушевление демократии. Они были далеки от высшего клира католической церкви, питаемого доходами всей католической вселенной, и поэтому не снисходившего до забот о национальных судьбах Италии. Они были так же нищи, как и их паства, и стояли немногим выше ее в культурном отношении. Деятельность отца Гавацци, описанного Добролюбовым⁹, или отца Сиртори, отважного предводителя на баррикадах в 1848 г., свидетельствовала о том, что и у итальянского клира были кандидаты на роль Жака Ру на случай якобинской революции в Италии.

Позади у итальянской демократии был славный революционный путь, обильно политый кровью ее политических мучеников. В 50-е годы уже начинался ее упадок. Итальянская демократия, как указывал Маркс¹⁰, не имела широкой социальной базы, и в этом была ее трагедия. Разве не удивительно, что столь яркое революционное движение итальянской демократии первой половины XIX в. стало определено блекнуть после 1848 г. Маркс указал не только на причины этого обстоятельства, но и на единственный способ, при помощи которого революционно-демократическое движение в стране могло бы получить прилив новых сил. Оно не было связано с движением крестьянства, оно отмахивалось от решения крестьянского вопроса и превращения полоников в мелких земельных собственников—той единственной задачи, которая могла бы превратить национальное движение в подлинную революцию, «революцию снизу», а Италию—в демократическую республику. Мы уже видели, почему это произошло. В руки буржуазии попала значительная часть земельной собственности. Быстрый рост сельского населения и повышение арендных цен вплоть до уровня «голодной аренды» сулили в будущем слишком хорошие барыши, чтобы от всего этого отказался тот класс, который прекрасно понимал, что он становится господствующим.

⁹ Н. А. Добролюбов, Отец Александр Гавацци и его проповеди (Полн. собр. соч. под ред. М. Лемке, изд. Панафиной, СПб 1911, т. IV, с. 593—630).

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, с. 59—60 (Маркс—Энгельсу, 13 сентября 1851 г.).

Давление этого факта на буржуазное общественное мнение было настолько велико, что даже наиболее передовая часть его, мелкобуржуазная демократия, не включила в свою программу решения аграрного вопроса в интересах обнищавшей крестьянской массы.

Кое-кто из молодежи в начале 50-х годов начинал понимать необходимость расширения социального базиса своей программы, но такие попытки встречали сопротивление со стороны вождей, в частности Мадзини. Только пролетариат мог дать этой молодежи, пока еще только критиковавшей Мадзини, больший разбег и силу. Но пролетариат был еще слишком слаб, и поэтому в массе демократия шла за своим великим вождем и первосвященником. Отсюда ее беспочвенность, любовь к высоким абстракциям и отчужденность от «народа» не в его отвлеченной форме нации, а в самой непосредственной реальной сущности, которая в Италии прежде всего воплощалась тогда в крестьянстве. У вождя и кумира демократии мелкобуржуазного революционера Мадзини были два предмета возвышенного преклонения: «бог и народ». Этот пароль был все еще достаточно силен для того, чтобы воодушевлять молодежь, шедшую за Мадзини.

II

«Что сделал Орсини со своей энергией, Гарибальди с своей отвагой, Пианори со своим рыцарством, Пизакане и другие мученики, кровь которых еще не засохла?»¹¹—спрашивал в 50-х годах Герцен, вспоминая бесплодное самопожертвование героев итальянской независимости. И он не без прозорливости прибавлял: «От австрийцев Италию освободит разве Пьемонт, от неаполитанских Бурбонов—толстый Мюрат, оба под покровительством Бонапарта». Значение Пьемонта, которое отмечал Герцен, сводилось не только к тому, что Пьемонт был самым сильным из итальянских государств. Недаром тот же Герцен назвал пьемонтским слоем общественный класс, поставивший задачу объединения и независимости Италии на практическую почву своих классовых интересов. «Он (пьемонтский слой.—С. С.),—писал Герцен,—отличается в Италии так же, как и во всем материке Европы, тем, что во многих вопросах он постоянно либерален и во всех боится народа и слишком нескромных толков о труде и заплате¹², да еще тем, что он всегда уступает врагам сверху, не уступая никогда с в о и м снизу»¹³.

Пьемонтский слой—это буржуазия, и не только в Пьемонте, но и во всей остальной Италии. В Пьемонте и Ломбардии буржуазия сильнее, чем где-либо в остальной Италии, здесь ярче выступают ее качества, на которые указал Герцен,—ее умеренный либерализм и ее страх перед революционным движением народных масс. Итальянское единство и независимость стали делом преимущественно Северной Италии. Она была давно уже частично объединена под эгидой Савойской династии; она быстрее развивалась в промышленном отношении, и поэтому больше нуждалась в расширении своего экономического влияния, она раньше столкнулась с засилием иноземцев-австрийцев в восточной части Ломбардской равнины.

Потребность в единстве, вытекавшая из экономической необходимости развивавшегося с середины века итальянского хозяйства, была настолько очевидна, что идея экономического объединения Италии отчетливо форму-

¹¹ Герцен, Былое и думы, ч. IV и V (Полное сообр. соч. под ред. М. Лемке, т. XIII, Гиз, 1919). Глава XXXVII посвящена итальянским делам. Герцен дает великолепные характеристики деятелей итальянской революции, со многими из которых он встречался после революции 1848 г.: «Люди эти подавляют величием своей мрачной поэзии, своей страшной силы и останавливают всякий суд и всякое осуждение. Я не знаю примеров большего героизма ни у греков, ни у римлян, ни у мучеников христианства и реформы» (с. 345, см. также с. 336).

¹² Герцен употребляет выражение «заплата» в смысле «зароботной платы».

¹³ Герцен, Былое и думы, ч. IV и V (Полное собр. соч., т. XIII, с. 340).

лировалась в умах итальянских патриотов, тогда как формы политического объединения оставались долгое время неопределенными.

Свобода торговли (фритред как доктрина либерализма), т. е. уничтожение внутренних таможенных перегородок, — таково было основное требование итальянских политиков самых разнообразных оттенков еще до 1848 г. Свобода торговли поэтому становится своего рода религией итальянской буржуазии. В 50-х годах, когда в Европе началось в крупных размерах железнодорожное строительство, вопрос о постройке железных дорог, которые должны были «сшить итальянский сапог», приобрел не менее важное значение. Противники и сторонники железных дорог смотрели на них не только с точки зрения хозяйственной целесообразности, но главным образом с политической точки зрения. Махровый реакционер, папа Григорий XVI видел в железных дорогах настоящее исчадие ада. С ними придет объединение, и тогда конец власти папы!

Вопрос о политическом объединении наталкивался на почти непреодолимые трудности. Из опыта домартовских восстаний буржуазия могла убедиться, что путем заговоров она ничего не добьется, а идти на риск демократической революции она не была расположена. В 40-х годах слабеет поэтому авторитет Мадзини и «Молодой Италии», а вместе с ними теряют своих сторонников идеи республиканско-демократической Италии. Неудача революции 1848 г. нанесла этим идеям новый удар. Но были ли иные, более действительные средства? На пути к единой Италии стояли многочисленные династии, равнодушное к объединению дворянство, сильное на севере и в особенности на юге, католическая церковь во главе с папой, имевшим в Италии собственное государство, и наконец Австрия, владевшая значительной частью Северной Италии. Правда, итальянские династии запятнали себя самым отвратительным деспотизмом и не пользовались даже тенью уважения; дворянство, владевшее землей и продававшее хлеб, начинало проникаться вслед за буржуазией фритредерскими идеями, сулившими им расширение рынка. Но зато католическая церковь с ее бесчисленным множеством монахов и священников, сильная своим авторитетом в массах нищего и невежественного крестьянства, была оплотом обскурантизма и противилась всякой идее объединения, так как боялась усиления светской власти и потери своего политического могущества. Борьба с Австрией была не под силу ни одному из итальянских государств, да об этом они и не помышляли.

Поэтому политические взгляды умеренных, искавших практически осуществимого, не отличались ни определенностью, ни решительностью.

Идея итальянской федерации под главенством папы, пропагандируемая Джоберти, была утопична, и он сам скоро от нее отказался. Но идея федерации осталась в умах наиболее робких политиков. Совсем умеренные готовы были бы, пожалуй, ограничиться созданием общеземельской торговой лиги на манер германского таможенного союза. В 30-х и 40-х годах постепенно начинает формироваться партия умеренных, выдвинувшая проект объединения Италии под эгидой Пьемонта. Но 1848 год и неудачи пьемонтского короля Карла-Альберта, пытавшегося бороться с Австрией один на один, показали, что эти надежды по меньшей мере преждевременны.

Однако было все же ясно, что только Северная Италия, экономически наиболее развитая, с ее растущими городами и промышленностью, с ее уже довольно многочисленным рабочим классом, зажиточной буржуазией и богатым дворянством, сможет когда-нибудь осуществить двойную задачу освобождения и объединения, да и то с помощью посторонней силы. Здесь была если не самая большая, то во всяком случае самая сильная из итальянских монархий — Пьемонт во главе с национальной династией. Буржуазия видела в этом гарантию того, что национальное объединение сможет произойти в такой форме, которая обезвредит подлинно революционное движение снизу.

III

Поражение революции 1848 г. в Италии сопровождалось восстановлением абсолютистско-феодального порядка. Наиболее видные деятели революции, как Гарибальди, Мадзини, Манин и множество других, бежали за границу. В Ломбардо-венецианской области, снова завоеванной для Австрии Радецким, сзирепствовал подлинный террор. За один год было совершено не менее тысячи казней. Осужденных за участие в революции было еще больше. Население было обложено тяжелыми налогами; последние раздражали его еще больше, чем политическое преследование. Начались новые восстания, оживилась деятельность Мадзини. Но участь этих восстаний была не лучшей, чем в дореволюционные времена. Крупное восстание в Милане в феврале 1853 г. закончилось самым жалким образом. Вместо предполагавшихся тысяч участников восстания к месту действия явилось не более 150 человек. 16 чел. из схваченных было повешено; многие принуждены были покинуть страну, и их имущество было объявлено под секвестром¹⁴. Напрасно впоследствии австрийское правительство пыталось найти почву для примирения со своими итальянскими подданными: «Мы не просим Австрию быть в Италии гуманной и либеральной, ибо это невозможно, даже если бы она этого хотела: мы ее просим уйти»¹⁵. Эти слова героя венецианской республики Манина как нельзя лучше вскрывают смысл назревших в Италии событий.

В Модене герцог Франциск V ввел режим административного произвола. Высылки без суда, штрафы и телесные наказания были обычными средствами устранения политических противников. Герцог Пармский Карл III, сумасброд, пьяница и безобразник, чинил суд и расправу под покровительством австрийских оккупационных войск. Герцог Тосканы Леопольд возвратился после революции тоже при помощи австрийцев и вскоре отменил конституцию. Он заключил с Австрией союз, который мало чем отличался от протектората. Недавний «либерал» папа Пий IX, вернувшийся в 1850 г. в Рим при помощи французских штыков, уничтожил все вольности, данные им в первые годы понтификата (1846 г.) и во время революции, и на долгие годы стал оплотом самого необузданного мракобесия. Но хуже и позорнее всех вел себя неаполитанский король, прозванный за жестокость подавления революции «королем-Бомбой». Число осужденных за политические преступления неаполитанцев доходило до 22 000.

Гнусность неаполитанского режима сделалась предметом осуждения в Европе. Благочестивый Гладстон заявлял, что неаполитанское правительство есть «поношение бога, возведенное в систему». Французское и английское правительства отозвали из Неаполя своих представителей после того, как их советы смягчить режим не увенчались успехом (1856 г.). Только Пьемонт сохранил свои либеральные учреждения. Король Карл-Альберт, разбитый Радецким, потерявший всякое доверие и популярность, отказался от престола. Его преемник Виктор-Эммануил II во время понял, что династия находится на краю гибели. Он подтвердил конституцию 1848 г. и в 1853 г. призвал к власти умеренного либерала Кавура, имя которого тесно связано

¹⁴ Маркс писал Энгельсу 23 февраля 1853 г.: «Хотя миланская история, являющаяся финалом вечных заговоров Мадзини, очень жалка, хотя я твердо уверен, что он лично себе повредил, все же я уверен, что для революционного движения в целом это событие благоприятно. Именно благодаря тем грубым приемам, с помощью которых использовали эту историю австрийцы. Если бы Радецкий... похвалил миланскую буржуазию за ее «благоразумное поведение», а все происшествие охарактеризовал бы как жалкий бунт злодеев и, в знак своего доверия, отпустил бы для видимости немного повода, тогда революционная партия была бы выставлена в жалком виде перед всем миром. Но он рвел законченную систему грабежа и потому превратил Италию в «революционный кратер», чего Мадзини не удалось добиться, несмотря на всю его декламацию» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, с. 71—72; см. также Энгельс, По и Рейн, Соч., т. XI, ч. 2, с. 37—40).

¹⁵ M a t t e r, op. cit., vol. III, p. 16.

с историей итальянского объединения. Кавур был типичным представителем «золотой середины»¹⁶ и скоро сделался признанным главой того самого «пьемонтского слоя», о котором говорил Герцен.

Кавур родился в Турине 10 августа 1810 г. и происходил из старинной дворянской пьемонтской семьи. Он получил военно-инженерное образование в Туринской военной академии, где с увлечением занимался прикладной математикой. Но он не питал склонности к военной службе и имел слишком независимый характер, чтобы преуспевать при дворе, куда он был зачислен в 1824 г. и где он «краснел от стыда», выполняя высоколакейские обязанности. Окончив в 1826 г. военную школу, он поступил на военную службу, но уже в 1831 г. бросил ее и уехал к себе в поместье, где сделался образцовым хозяином. В 30-х годах он много путешествовал за границей. В Париже он близко сошелся с такими деятелями июльской монархии, как Гизо и Тьер, и ничто в такой мере не характерно для Кавура, как именно эти знакомства. Все это были тоже люди «золотой середины», умеренные либералы, идеологи того «царства банкиров», наступление которого в 1830 г. торжественно возвестил банкир Лафитт¹⁷, один из первых министров июльской монархии. Из Англии Кавур вернулся поклонником английской конституции, какой она была после реформы 1832 г., и верным учеником Кобдена. Идеи свободной торговли, воодушевлявшие тогда английскую промышленную буржуазию, которая добивалась ввоза дешевого хлеба в Англию, совершенно покорили Кавура. Его родина и его родичи—пьемонтские дворяне—вывозили продукты сельского хозяйства.

Путешествие Кавура имело огромное значение для окончательного формирования его политических взглядов. Чтобы представить себе ясно, кого олицетворял собой Кавур, интересы какого класса и в какой исторический момент он защищал, остановимся вкратце на экономическом положении Пьемонта и прежде всего того «пьемонтского слоя», представителем которого был Кавур.

Пьемонт и Пруссия, расширившиеся до пределов: один — Италии, другой — Германии, имели много общего и в своей политической судьбе, и в своем социальном облике. Это были дворянско-земледельческие монархии, укрепившиеся в XIII в. при помощи громадной армии и хищнической политики захватов, вероломства и подкупов. «Это была не особенно благородная политика,—замечает один бельгийский дипломат,—но географическое положение вряд ли позволяло пьемонтским королям быть честными». Высшие военные и гражданские должности были уделом младших сыновей дворянских фамилий, тогда как старшие получали небольшие огромные фамильные поместья. Сравнительно с остальной Италией духовенство Пьемонта было в большей степени подчинено государству, Церкви платили налоги с церковного имущества, права церковных судов были ограничены. Страна была довольно густо заселена, но крестьяне в своем большинстве, если не считать мелких собственников в горных областях, были половниками крупных землевладельцев. Промышленность была в зачаточном состоянии и находилась еще на мануфактурной стадии развития.

¹⁶ M a t t e r, Cavour et l'unité Italienne, vol. I, p. 101. Маттер приводит интересное письмо, написанное Кавуром еще в начале 30-х годов, где он дает характеристику своих политических взглядов. Одни, говорит он, бросились очертя голову в революционное движение, другие в страхе перед революцией сделали ультрареакционерами. «Что касается меня, то я долго оставался в нерешительности между этими двумя противоположными движениями... и дело кончилось тем, что я, как маятник, остановился как раз посредине. Итак, я заявляю Вам, что я честный человек «золотой середины», жаждущий прогресса и работающий для него не покладая рук, но считающий, что этот прогресс не должен быть куплен ценой общего политического и социального переворота».

¹⁷ Лафитт впоследствии строил железные дороги в Савойе и был для Кавура «своим человеком». См. M a t t e r, op. cit., vol. II, p. 336.

Крупную торговлю вела только Генуя. Но уже с 40-х годов, и особенно в 50-х годах в связи с развитием железнодорожных путей дворяне все больше начинают вести самостоятельные хозяйства (пастбища и рисовые плантации) и сгоняют с земель мелких крестьян-половников. Крестьяне превращались в батраков, либо уходили в города, где в это время начинала, хотя и слабо, развиваться промышленность.

В странах Европы, отставших в своем экономическом развитии и переходивших к промышленному капитализму позже, чем Англия и Франция, процесс индустриализации происходил сначала не столько в форме перехода к крупному капиталистическому производству в промышленности, сколько в форме капитализации средств обращения, организации банков, кредита, железнодорожного транспорта и т. д. Грандиозное железнодорожное строительство еще более подчеркнуло своеобразный характер этого периода промышленного развития. Развитие акционерной формы предприятий тягивало в капиталистические предприятия широкие слои буржуазии. Таким образом создается довольно широкая прослойка в обществе, связанная с деятельностью банков, бирж, акционерных компаний и железнодорожных обществ.

Особенности эпохи накладывают отпечаток на политическую физиономию классов. Буржуазия либеральна и потому, что задержанному экономическому развитию этих стран соответствует отсталый политический строй, и потому, что она требует свободы для своей деятельности, т. е. полного невмешательства государства в сферу ее предпринимательских операций; она настроена фритредерски и наконец она антидемократична, ибо она строит свое благополучие на эксплуатации труда. Одним словом, доктрина экономического и политического либерализма— таково политическое *credo* буржуазии.

В 50-х и 60-х годах таково было умонастроение буржуазии в Германии, Австро-Венгрии и Италии. Строительство железнодорожной сети ослабило на время протекционистские требования тяжелой индустрии, привлекло на сторону фритреда землевладельцев, которые могли теперь рассчитывать на более широкий рынок сбыта. Дворянство в Италии и в Германии (особенно в Пруссии), в общем не склонное к идее национального объединения, но привлеченные надеждами на неожиданные барыши, перестало теперь сопротивляться тому, чтобы объединение осуществилось «сверху». Часть его начала вкладывать свои капиталы в промышленные и сельскохозяйственные предприятия и поэтому мало-помалу стала проникаться буржуазными интересами и буржуазной идеологией. Расширение сферы приложения капитала, т. е. национальное объединение, становится экономической необходимостью, а те миллионы, которые ринулись в 50-х и 60-х годах в акционерные предприятия, банки и железные дороги, создали материальную мощь этого движения.

Неслучайно, что оба крупных политика Германии и Италии, Бисмарк и Кавур, были людьми, в лице которых объединялись сразу и дворянин и буржуа. Оба они были типичными представителями дворянства, познакомившегося с вкусным блюдом капиталистической наживы, и в такой же мере желали объединения своей страны, в какой стремились уберечь ее от буржуазно-демократической революции.

Кавур был типичным западноевропейским либеральным рыцарем «прогресса» и наживы. Крупный землевладелец, он не удовлетворился получением ренты и сделался образцовым хозяином; он ставит «по-американски» свое хозяйство, применяет искусственное удобрение и попутно становится оптовиком-импортером гуано, не упуская случая нажиться и здесь; основывает фабрики искусственных удобрений, носится с планом сельскохозяйственного банка; интересуется сплавом леса, введением в Пьемонте куль-

туры свекловицы, экспортом спаржи, устройством сахара-рафинадных заводов, ввозом новых пород овец, лошадей и рогатого скота.

При этом Кавур никогда не упускает задачи личного обогащения. В его хозяйственной деятельности чувствуются расчетливость, дальновидность, холодная страсть. Хозяйство Кавура растет, растут его доходы, но ему нужен иной размах, ему нехватает только капиталов. Кавур бросается в финансовые предприятия, спекулирует на бирже и чуть не разоряется. Но и здесь он старается использовать свой опыт. Он становится финансистом-практиком, приобретает знакомства в финансовом мире и впоследствии входит пайщиком в разнообразные промышленные и банковские предприятия. К концу жизни он становится одним из самых богатых людей в королевстве. Злые языки утверждают — и не без основания, — что многие проведенные им правительственные мероприятия в области таможенной политики объясняются его личной заинтересованностью.

В известных корреспонденциях из Турина Н. А. Добролюбов так передает отзыв о Кавуре одного из его поклонников: «Посмотрите, — сказал собеседник Добролюбова, — теперь Пьемонт совершенно на дороге второй империи: у нас есть свои маленькие Миресы и Перейры, в несколько лет сделавшиеся миллионерами, и все они приятели графа Кавура и без него положительно не могут шага ступить. На 20—25 миллионов, известных за Кавуром, наверно надо считать еще больше скрытых в тумане...» — «Но ведь это с его стороны злоупотребление», — заметил Добролюбов. — «Как вам сказать. Если быть уже слишком щепетильным и деликатным, то, пожалуй, можно назвать это мошенничеством. Но человек финансовый и государственный всегда видит в этом не более как ловкость и оборотливость»¹⁸.

Кавур с большим жаром защищал постройку в Пьемонте железных дорог и многое сделал для этого. Его новейший биограф Маттер не без основания считает статью Кавура, посвященную значению железных дорог в Италии (1846 г.), лучшей из его публицистических работ. «Ни одна страна, — говорит в этой статье Кавур, — не нуждается в такой степени в железных дорогах, как Италия, ибо если их устройство дало великолепные результаты в странах, находящихся на высокой ступени цивилизации, то тем больший эффект должны они иметь у наций отсталых. Они не только будут способствовать обогащению нации, но и позволят восторжествовать свободе и прогрессу над силами реакции, удерживающими ее в состоянии промышленного и политического младенчества. Они соединят ее разрозненные части, они помогут делу освобождения и объединения, ибо время конспираций и заговоров прошло, а в такой стране, как Италия, где собственность раздроблена и народ привержен к порядку, разрушительные идеи «Молодой Италии» не могут иметь успеха»¹⁹.

¹⁸ Н. А. Добролюбов, Из Турина (Полн. собр. соч., под ред. М. Лемке, изд. Панафидиной, СПб 1911), т. IV, с. 647. В своей оценке деятельности Кавура русские радикалы в лице Добролюбова вполне сходились с итальянскими радикалами. Замечательные статьи русского публициста об Италии не потеряли своего значения и до наших дней. Их страстный и язвительный тон был конечно направлен не только против итальянской реакции (статья «Непостижимая странность», там же, с. 441 — 518, О неаполитанских делах), и не только против Кавура, но и против русских умеренных и благонамеренных либералов («дозволения начальства»). Статьи Добролюбова дают большой эмоциональный материал для истории Италии эпохи ее объединения. См., кроме упомянутых выше, «Два графа» (там же, с. 543—565); сатирические «Неаполитанские стихотворения» (с. 565—574); «Отец Александр Гавацци и его проповеди» (с. 593—630) и в особенности большую статью «Жизнь и смерть графа Камилло Бензи Кавура» (с. 677—788) и др.

¹⁹ M a t t e r, op. cit., vol. I, p. 259 etc. Статья Кавура была напечатана во французском журнале «Revue nouvelle» за 1846 г. под заглавием: «Des chemins de fer en Italie par le comte Petitti, conseiller d'Etat du royaume de Sardigne». Маттер приводит большие выдержки из этой статьи.

Человек разносторонних знаний, энергичный, ловкий и осмотрительный, Кавур был прирожденным дипломатом. Его хозяйственные предприятия не давали ему удовлетворения. В октябре 1850 г. он вступил в министерство д'Азелио на пост министра земледелия и торговли, а в 1851 г. взял и министерство финансов. Однако он считал нужным временно расстаться с министерством из-за разногласий по вопросу о духовенстве: он считал необходимым подчинить церковь государству. Но уже 4 ноября 1852 г. король поручил ему сформировать новое министерство, известное в буржуазной историографии Италии под наименованием «великого».

С этого времени Кавур начинает осуществлять свою политическую программу. Входило ли в эту программу объединение Италии и освобождение ее от власти Австрии? Деятельность Кавура подверглась впоследствии ожесточенным нападкам со стороны итальянских демократов. Кавур, говорили они, стремился не столько к объединению Италии, сколько к расширению Пьемонта, Кавур воспользовался народным движением в интересах буржуазии и т. д. Верно, что Кавур был врагом демократии, верно и то, что он сумел использовать национальное воодушевление в интересах своего класса. Но то, что он преуспел в этом, свидетельствует конечно не столько об его силе и коварстве, сколько о силе того общественного класса, которому служил Кавур, и о слабости итальянской демократии, слабости, причины которой были указаны выше.

Верно ли, что целью Кавура было не объединение Италии, а лишь расширение Пьемонта? Как весьма осторожный, холодный и расчетливый делец и политик, как яркий представитель так называемой «реальной политики», Кавур не выходил в своих планах за пределы того, что он считал в данный момент возможным. Как и его политические друзья, он прекрасно понимал, что Италия не может объединиться собственными силами, ибо на ее пути стоит Австрия; он действовал поэтому очень осторожно и сообразовал свои заявления с трудным международным положением маленького Пьемонта. Но объединение Италии под гегемонией Пьемонта было в интересах северо-итальянской буржуазии, так же как в ее интересах было не дать ей превратиться в демократическую республику. Именно в этом направлении и действовал Кавур.

Первой его заботой как руководителя политики Пьемонта было укрепление дружественных связей с Англией и Францией. Не отрицая своих симпатий к Италии, Англия не давала никаких обещаний, не желая брать на себя какие-либо обязательства. Итальянское дело становилось таким образом делом континентальной Европы. Кавур постучался во Францию. Здесь его тоже долгое время кормили одними обещаниями. Монархия «авантюриста» чувствовала себя недостаточно крепкой, не желала ссориться ни с папой, ни с Австрией. Кроме того крепкая единая Италия была невыгодна для Наполеона²⁰, как и для Австрии. Реакционные клерикальные круги во Франции, толкнувшие Наполеона на восстановление власти папы в 1850 г., были прямо враждебны итальянскому объединению, грозившему подорвать власть папы.

Кавур решил принять участие в крымской войне на стороне Англии и Франции, чтобы навязать французскому правительству обязательство выступить впоследствии если не в пользу всей Италии, то по крайней мере Пьемонта. Впрочем у Кавура были и более прямые поводы к участию в войне. Он боялся, что союзники, которые все время старались перетянуть на свою сторону Австрию, могут добиться этого, гарантировав ей ее владения в Италии. Участие Пьемонта в войне было очень скромным, военные успе-

²⁰ Ф. Энгельс, По и Рейн (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. 2, с. 48). «Франция не может допустить существования единой и независимой Италии».

хи и того меньше. Но при заключении мира Кавур добился того, чтобы Пьемонт был приглашен на конгресс в Париже в качестве равноправного участника. Но и дипломатические успехи Пьемонта были невелики. Кавуру удалось добиться лишь того, что итальянский вопрос был поставлен на обсуждение конгресса. Было упомянуто о том, что произвол и деспотизм царят в Неаполитанском королевстве, что не в лучшем положении находится Папская область, и было выражено пожелание о выводе австрийских войск из папских провинций. И это все. Кавур возвращался с конгресса разочарованным. Война стоила больших жертв²¹, а результаты ее были сомнительными. Однако Кавуру нечего было предаваться отчаянию. Время работало на него.

IV

Годы, следовавшие за Парижским конгрессом, были временем последних приготовлений к объединению Италии, завершивших дело, начатое революцией 1848 г. Но, так же как и в Германии, не демократическая революция и не якобинская диктатура, а союз дворянства и буржуазии и умеренный либерализм Пьемонта, сыгравшего в Италии ту же роль, что и Пруссия в Германии, по-своему осуществили конечно программу, поставленную итальянской демократией еще в начале XIX в. В этом следует искать объяснения перемен в настроении революционной демократии — как той, что находилась в эмиграции, так и той, которая оставалась в подполье.

В первой произошел раскол: выделилось левое крыло, которое поставило на очередь вопросы социальной революции. Эта группа пока была еще в зародыше; ее деятельность принадлежала будущему. Другое течение, продолжавшее традиции якобинской республики, мечтало о единой итальянской республике и верило попрежнему, что этого возможно добиться путем заговоров, конспираций и восстаний, поднимаемых организованными группами храбрцев, которые, захватив внезапно власть, должны увлечь за собой «народ». Третье течение стало в большей или меньшей степени склоняться к программе Кавура и либералов и готово было ради объединения Италии отказаться даже от республики, если бы объединение под властью сардинской династии оказалось практически более осуществимым. По мере роста буржуазии это течение приобретало все новых сторонников, тогда как число сторонников первого несомненно шло на убыль. Во главе второго течения стоял Мадзини — человек, воплотивший в себе итальянскую революционную конспирацию со всеми ее достоинствами и недостатками, неподкупный якобинец, беззаветно преданный своему идеалу, храбрец и фанатик, неутомимый конспиратор, вездесущий и неуловимый организатор восстаний, человек стальной воли, по слову которого сотни людей безропотно шли почти на верную гибель²². Во главе третьего течения стоял Манин, бывший президент венецианской республики (1848 г.).

Февральское восстание 1853 г. в Милане не убедило Мадзини в том, что его революционная тактика непригодна в новой обстановке. Он чувствовал, что его «революционная диктатура» ускользает из его рук, что ряды его армии редуцируются, но он не хотел этому верить и с упорной и фанатической настойчивостью продолжал готовить новые восстания, кровавые и бесполезные. Неудача миланского восстания нанесла смертельный удар его авто-

²¹ Matter, op. cit., vol. II, p. 330.

²² Характеристику Мадзини см. у Герцена («Былое и думы», ч. IV и V, гл. XXXVII), а также очень важные для понимания его роли в революционном движении Италии как до, так и после ее объединения, статьи Бакунина «Интернационал и Мадзини» («Голос труда», 1922, т. V). Герцен дает конечно главным образом характеристику итальянских деятелей как личностей. Он эстетически любуется цельностью этих людей. Политическое значение их не всегда ему понятно.

ритету. Он бежал сначала в Лондон, затем пробрался в Швейцарию и незаметно проскользнул оттуда в Геную, чтобы убедиться, что его пламенные воззвания уже не находят отклика, а его призывы ко всеобщей конспирации и революции вызывают ожесточенную критику не только со стороны кавурианцев, которые всегда были его врагами, но и со стороны его вчерашних друзей. Манин прямо ставил ему в вину бесполезно пролитую кровь и открыто заявлял себя сторонником Пьемонта, если последний возьмет на себя дело объединения Италии. В 1856 г. он писал: «Пьемонт стал величкой национальной силой... Это факт, а политик не может пренебрегать фактами... Убежденный в том, что первейшая задача заключается в создании единой Италии, я говорю Савойской династии: «Создайте единую Италию, и я с вами; если нет—нет... Я,—республиканец, я первый водружаю знамя единства: Италия во главе с королем сардинским»²³. «Мы хотим полной независимости всех итальянских территорий, соединение всех частей Италии в один политический организм» — такова была программа Манина. К ней фактически примкнул и Гарибальди, который тоже считал неправильной тактику Мадзини и предпочитал делать революцию «при полном свете».

Маркс еще в 1851 г. поставил отчетливый диагноз болезни, которую переживала итальянская эмиграция. «Политику Мадзини, — писал он Вейдемейеру 11 сентября 1851 г., — я считаю в корне ложной. Побуждая Италию немедленно порвать с Австрией, он работает только в интересах Австрии. С другой стороны, он забывает, что ему следовало бы обратиться к крестьянам, к угнетаемой в течение столетий части Италии, и, забывая об этом, он подготавливает новую опору для контрреволюции. Г-н Мадзини знает только города с их либеральным дворянством и их просвещенными гражданами»²⁴. Два дня спустя Маркс писал Энгельсу: «Итальянский комитет... раскололся. Значительное меньшинство вышло. Огорченный Мадзини рассказывает об этом событии в «Голосе народа». Главные причины таковы. Во-первых, dio (бог). Они [противники Мадзини] не желают бога. Затем, — и это серьезнее, — они упрекают Мадзини в том, что он, проповедуя восстание, т. е. ускоряя его, действует в австрийских интересах. Наконец, они прямо настаивают на осуществлении материальных нужд крестьян. Но этого нельзя сделать, не нарушив, с другой стороны, материальных интересов буржуа и либерального дворянства, из которых состоит великий отряд Мадзини... Если Мадзини или кто другой, ставший во главе итальянской агитации, не превратит добровольно и немедленно крестьян из половников в свободных земледельцев, — положение итальянских крестьян ужасно, я это гнусное хозяйство основательно изучил, — тогда австрийское правительство, в случае революции, прибегнет к галицийским средствам»²⁵, т. е. поддержит восстание крестьян против помещиков.

Но Мадзини не принадлежал к людям, которые сдаются сразу. Прежде чем сойти со сцены, он еще раз попробовал осуществить свою программу. еще раз попробовал испытать силу своего уже меркнувшего влияния. На этот раз он мечтал о революции, которая должна была охватить Италию, Францию и Испанию, покончить с Наполеоном III и итальянскими тиранами, освободить народы и создать всеобщее счастье. Конечно это были только мечты, но по отношению к Италии он приступил к делу с самыми серьезными намерениями. Его планы заключались в том, чтобы, опираясь на своих приверженцев внутри страны и используя постоянное революционное брожение в Массе и Карраре (мраморные каменоломни), создать конспирацию,

²³ Matter, op. cit., vol. III, p. 19.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, с. 112.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, с. 59—60. См. также интересный ответ Энгельса от 23 сентября 1851 г. (там же, с. 60).

которая простиралась бы от Генуи до Калабрии, и поднять восстание одновременно в Генуе, Ливорно и Неаполе. Ему пришлось — и на этот раз окончательно — убедиться, что его дело безнадежно проиграно²⁶.

25 июня 1857 г. человек сорок заговорщиков под предводительством Пизакане сели на пароход, направлявшийся из Генуи в Сардинию, и захватили его в открытом море, заставив капитана направить его в Неаполь. Высадившись на берег, они с криками: «Да здравствует Италия, да здравствует республика!» пытались поднять восстание. Население отнеслось к ним сочувственно, но примкнуть к ним никто не решился. В последовавшей затем схватке с полицией сам Пизакане и несколько его товарищей были убиты, остальные вместе с ни в чем неповинными пассажирами арестованы и посажены в тюрьму. В это же время сам Мадзини, прибыв незамеченным в Геную, должен был поднять здесь восстание. Но французская полиция предупредила Кавура. Мадзини узнал, что его замыслы раскрыты, и дал отбой, но было уже поздно. В ночь с 29 на 30 июня отряд заговорщиков захватил один из фортов, господствующих над городом, разоружил сторожевой отряд и убил сержанта. Так как к отряду никто не присоединился, заговорщики оставили форт и рассеялись. Все принятые разъяренным Кавуром меры разыскать Мадзини не увенчались успехом. Как и всегда, он был неуловим. Попытка восстания в Ливорно была еще более жалкой.

Случилось то, о чем говорил Маркс. Мелкие правительства Италии принялись искоренять крамолу, и из Италии потянулись новые вереницы эмигрантов. Из Неаполя, Рима, из Тосканы и герцогств Пармы и Модены, из Ломбардии и Венеции беглецы искали себе убежища в Англии или Пьемонте, ибо больше их никуда не пускали. Кавур боялся, что предприятия Мадзини, которые, как мы видели, метили гораздо дальше Италии, компрометируют его в глазах Наполеона и расстроят союз, который он с таким трудом налаживал. Но и на этот раз все кончилось благополучно. Кавуру удалось доказать, что он не имел никакого отношения к комплоту.

V

Предприятия Мадзини были для Кавура тем более некстати, что он в это время развивал широкую деятельность по привлечению на свою сторону тех демократов, которые, порвав с Мадзини, пошли за Манином. Один из близких друзей Манина, Ла-Фарина, вождь демократов в Сицилии в 1848 г., явился в 1856 г. к Кавуру и заявил ему, что он присоединяется к Манину и готов работать с Кавуром, если последний действительно ставит своей целью объединение Италии. «Я верю, — ответил ему Кавур, — что Италия будет единым государством и ее столицей будет Рим, но я не знаю, готова ли она к такой перестройке. Создайте «*национальное общество*», если итальянцы покажут, что они достаточно зрелы для того, чтобы быть объединенными, я надеюсь, что благоприятный случай не заставит себя долго ждать, но имейте в виду, что ни один из моих политических друзей не верит в возможность такого предприятия и близкие отношения к этому обществу компрометировали бы меня и ту цель, которую я преследую. Приходите ко мне, когда вы хотите, но вечером, чтобы вас никто не заметил. Если меня интерpellируют в парламенте или спросят дипломаты, я откажусь от вас, как апостол Петр, и скажу: «Я ничего не знаю». Так было положено начало «Национальному обществу», которое должно было спаять либералов и умеренных демократов во всех государствах Италии в интересах одной и той же цели и программы: независимость, единство и Савойская династия.

²⁶ «... Ни одно движение, ни один поход и ни одно вооруженное восстание, инициатива которых принадлежала собственно Мадзини, никогда не удавались», — писал Бакунин (Избр. соч., т. V, Москва 1922 г., с. 168).

В августе 1857 г. была опубликована программа этого общества²⁷. В Пьемонте общество действовало открыто. Здесь же находился и его центральный комитет, во главе которого стояли маркиз Паллавичини, Гарибальди и Ла-Фарина. В других государствах общество было под запретом, но число его сторонников быстро росло, и из его среды вышли почти все деятели, проводившие в 1859—1860 гг. кавурианскую программу объединения. Негласно Кавур принимал самое близкое участие в деятельности этого общества.

Самым большим препятствием на пути к итальянскому объединению была Австрия, по сравнению с которой Пьемонт был пигмеем. Поскольку нельзя было практически рассчитывать на революционное движение во всей Италии — да либералы сами первые испугались бы такой революции — для них оставался один путь устранения этого препятствия — извлечь пользу из международной обстановки и, самое главное, заполучить в свое распоряжение силу, соединившись с которой Пьемонт мог бы померяться силами с Австрией. Международная обстановка после Парижского конгресса была благоприятной для Пьемонта и Италии. Англия ничего не имела против объединения Италии: с приходом к власти министерства Пальмерстона Англия прямо подталкивала Пьемонт в этом направлении. Россия, вступившая в это время на путь буржуазных реформ «сверху», была в наилучших отношениях с Пьемонтом. Кавур пользовался необычайной популярностью у русских либералов и заигрывавших с либерализмом бюрократов. Пруссия, оскорбленная Ольмюцем, ничего не имела бы против того, чтобы ее «дорогую союзницу», Австрию, немного потрепали. Наполеон III прямо изъявлял желание разыграть роль защитника угнетенных наций. Именно с ним и были связаны все надежды Кавура.

Было однако весьма сомнительно, чтобы участие Пьемонта в войне 1855 г. в какой бы то ни было степени обязало Францию Наполеона III прийти на помощь Пьемонту в итальянских делах. И если Наполеон III в 1858—1859 гг. выступил против Австрии и этот шаг его оказался полезным для объединения Италии, то это объясняется потребностями внутренней политики бонапартизма, с одной стороны, а с другой — тем, что Наполеон III и не предполагал и вовсе не желал объединения Италии в той форме, в какой оно совершилось.

Торговый кризис 1857 г. превратился в длительный застой французской торговли и промышленности. Недовольство стало расти и среди буржуазии и среди пролетариата. Падение цен на зерновые продукты в 1857—1859 гг. возбудило ропот среди крестьянства. Вторая империя, обязанная своим появлением поражению революции 1848 г., должна была укрепить колеблющийся трон новыми славными деяниями, заявить себя защитницей передовых идей демократического века. «Во Франции, — говорил Персиньи еще в 1850 г., — национальное чувство составляет единственное средство борьбы с дурными страстями». Можно ли было придумать против «дурных страстей», готовых обратиться против демагога на троне, средство, более действительное, чем победоносная война ради «освобождения порабощенной национальности», особенно если эта война должна была принести и территориальные завоевания для Франции? В конце концов это была наиболее дешевая игра. Хозяйничанье Австрии в Италии давно было бельмом на глазу даже у европейской дипломатии, ко всему привыкшей и ничему не удивлявшейся.

Еще в 1852 г. император заявил сардинскому посланнику, что он «любит Италию как свое второе отечество», и выразил надежду, что наступит время, «когда обе страны в качестве товарищей по оружию будут вместе

²⁷ M a t t e r, op. cit. vol., III, p. 36.

бороться за дело независимости». Когда в ноябре 1855 г. Кавур и Виктор-Эммануил приехали на Парижскую выставку, Наполеон III задал им вопрос: «Что может он сделать для Пьемонта и Италии?». Но он колебался между демократами, у которых он искал популярности, и клерикалами, интриговавшими против Пьемонта и Италии. В конце января 1856 г. он сказал генералу Ламарро, пьемонтскому военному министру: «Я не вижу иного решения итальянского вопроса, как создание конфедерации из итальянских государств с сеймом, который имел бы место пребывания в Риме, вроде Франкфургского сейма. Папский престиж не пострадал бы, и это увлекло бы папу на путь реформ». Покушение итальянца Орсини (14 января 1858 г.) вывело Наполеона из колебаний. Оно напомнило ему о непрочности его трона, который не могли укрепить новые преследования республиканцев. Оно еще раз указало ему тот единственный путь, которым он, казалось, мог снискать себе популярность. «Пусть ваше величество не отвергает предсмертной просьбы патриота, стоящего на ступени эшафота: освободите мое отечество, и благословения 25 миллионов граждан будут сопровождать вас в потомстве», писал ему 11 февраля Орсини из своего заключения²⁸.

Покушение Орсини повергло Кавура в трепет. Бомба итальянского революционера и патриота грозила испортить всю его тонкую игру. Под давлением французского правительства он заставил «свой» парламент принять ряд мер против прессы, выслал в Америку несколько тысяч политических эмигрантов из других областей Италии, которые до сих пор находили приют в Пьемонте. Но внутреннее положение во Франции было таково, что Наполеону надо было воевать во что бы то ни стало.

Маркс писал Лассалю 4 февраля 1859 г.: «...Здесь все думают, что война в Италии неизбежна... Поведение (Наполеона) определяют следующие обстоятельства: 1) Страх перед итальянскими кинжалами... 2) Чрезвычайно стесненное финансовое положение. Действительно продолжать кормить французскую армию «в мирные времена» становится невозможным, а Ломбардия — лакомый кусок. К тому же, в случае войны стали бы возможными «военные займы»... 3) За последние два года Бонапарт с каждым днем все более и более терял авторитет в глазах всех партий Франции, а его дипломатия также представляла собою ряд сплошных неудач. Поэтому для восстановления престижа необходимо, чтобы что-то произошло. Даже в деревнях сильно ворчат из-за разорительно низких цен на хлеб...». Дальше, указывая на то, что Наполеона подталкивает Россия, желающая разрушения Австрии, что Англия останется нейтральной, «не имея возможности выступить прямо за папу и т. п. и против так называемой свободы...», что Россия поставит под угрозу Пруссию, если бы эта последняя вздумала вмешаться в войну, Маркс прибавляет: «С другой стороны, г. Луи Бонапарт несомненно смертельно боится настоящей, серьезной войны: 1) человек этот все, где полон сомнений и, подобно всем игрокам, отнюдь не отличается решительностью. Он постоянно доползал до Рубикона, но людям, стоявшим за спиной него, всегда приходилось его туда толкать... Как бы то ни было, если Бонапарт теперь отступит, то в глазах масс французской армии он окончательно погиб, и это соображение может заставить его в конце концов все же выступить»²⁹. Маркс приходил к таким выводам: «Война, конечно, приведет к серьезным и в конце концов к революционным последствиям. Но в начале она окажет поддержку бонапартизму во Франции, ослабит движение внутри Англии и России, пробудит самые мелочные националистические

²⁸ Характеристику Орсини см. Герцен, Былое и думы, т. IV, гл. XXXVII, с. 342; Орсини и Воспоминания, Москва, изд. «Academia», 1934 г.

²⁹ К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, с. 240—241.

страсти в Германии и т. д. Поэтому прежде всего она окажет, по моему мнению, во всех отношениях контрреволюционное действие»³⁰.

В конце мая 1858 г. близкий к итальянскому правительству доктор Канно привез Кавуру приглашение Наполеона III приехать в Пломбьер для совещания. Кавур понял, что приближается решительный момент. 21 июня в 11 часов утра он был уже в кабинете императора. Беседа продолжалась с небольшим перерывом восемь часов. Император заявил, что он решил всеми своими силами поддерживать Пьемонт против Австрии при условии однако, что война не будет предпринята с «революционной» целью.

Долго искали предлога к войне. Предлогом может послужить, решил Наполеон, волнение в Массе и Карраре, в которых всегда тлеет огонь восстания. Повстанцы потребуют присоединения к Пьемонту. Герцог Моденский будет возражать. Пьемонт займет их своими войсками. Австрия вмешается...

Но, предупреждал Наполеон, в Италии есть два государя, судьбу которых нельзя решать просто: папа и неаполитанский король. У них могущественные покровители: у первого — французские клерикалы, у второго — Россия. Кавур успокоил своего собеседника. Наполеон может оставить в Риме французский гарнизон; что касается неаполитанского короля, то о нем вопрос не поднимается вовсе, если только сам король не станет активно на сторону Австрии.

Затем собеседники перешли к самому важному вопросу — о цели войны. Само собой разумеется, австрийцы должны быть изгнаны из Италии. Долина реки По, часть Папской области с Романьей составят королевство Верхней Италии под главенством Савойского дома. У папы останутся Рим и его окрестности. Остаток Папской области и Тоскана образуют королевство Средней Италии. Южная Италия — королевство Неаполитанское — будет отдана Мюрату, если «король-Бомба» бежит в Австрию. Все эти четыре государства составят федерацию наподобие германского союза; во главе ее будет стоять папа конечно номинально. Действительный перевес будет всегда на стороне Верхней Италии. За все это Наполеон требует для Франции Савойю и Ниццу.

После некоторого колебания Кавур согласился. Означает ли это, что он находил проект вполне приемлемым и что у него не было никаких задних мыслей? Конечно нет. Но Кавур строил свою политику на том, чтобы взять с помощью более сильного то, чего он не мог взять сам. Любого итальянского патриота, даже такого умеренного, как Кавур, предложения Наполеона не могли удовлетворить. Но самое главное — изгнание австрийцев из Италии, т. е. задача, которая ей самой была бы не под силу, решалась в положительном смысле. Остальное «образуется». Наполеон обещал выставить 200 000 солдат и разместить итальянский заем во Франции.

В январе 1859 г. союзный договор между Италией и Францией был заключен. На новогоднем приеме дипломатического корпуса Наполеон III сказал австрийскому послу: «Жаль, что наши отношения с вашим правительством не так хороши, как прежде». 10 января Виктор-Эммануил, открывая заседание парламента, заявил о своей готовности «смело идти навстречу случайностям будущего и ради дипломатических договоров не забывать о столах, доносящихся к нему со всех концов Италии». Эти слова были включены в речь с согласия Наполеона.

Австрийское правительство прекратило поняло значение этих слов. С января в Ломбардию стали подходить военные подкрепления. Пьемонт тоже стал открыто готовиться к войне. Задача Кавура заключалась теперь лишь в том, чтобы «вынудить Австрию начать враждебные действия первой», ибо согласно § 1 франко-итальянского договора *casus belli* для Франции насту-

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.- т. XXV, с. 242.

нал лишь в случае нападения Австрии. Но международная обстановка оказалась менее благоприятной, чем думал Наполеон. Англия не питала никакой вражды к Австрии и не желала осложнений на континенте. В Германии (особенно на юге, где связь с Австрией была крепче, а страх перед поглощением Пруссией сильнее) стали раздаваться голоса, что Рейн следует защищать на По и что бонапартизм метит не только в Австрию, но и вообще в Германию. Общественные слои Франции, мнением которых дорожил Наполеон, клерикалы и биржа были настроены отнюдь не воинственно. Наполеон снова начал колебаться и уже соглашался на созыв европейского конгресса, который предотвратил бы войну. Кавур был в полном отчаянии и уже видел себя принужденным подчиниться этому решению. Но глупость пережившего себя австрийского абсолютизма выручила Кавура. Несмотря на все старания дипломатов предотвратить конфликт, несмотря на явную выгоду такого оборота дела для Австрии, австрийское правительство неожиданно отправило в Турин ультимативное требование немедленного и безусловного разоружения. Французскому министру иностранных дел Валуевскому, больше других старавшемуся охладить воинственный пыл Наполеона, оставалось лишь развести руками и довести до сведения Турина, что Франция выполнит принятые на себя обязательства. Своим нелепым поведением австрийское правительство перенесло на себя всеобщее негодование и украсило Наполеона ореолом героя, который выступает за защиту слабой нации, отстаивающей всеми признанное право национального самоопределения.

Анализ военных действий дан у Энгельса в работе «Савойя, Ницца и Рейн»³¹. Достаточно сказать, что многие в Европе считали весьма возможной победу Австрии, располагавшей большой армией. Но, ускорив объявление войны, Австрия не спешила открыть военные действия и предупредить соединение итальянской армии с французской. Бездарный генерал Дюлай пропустил удобный момент захватить Турин и занять альпийские проходы, ведущие из Франции в Италию.

Итальянская кампания продолжалась всего несколько недель. 31 мая 1859 г. австрийцы были разбиты франко-итальянскими войсками при Палестро, 4 июня австрийцам было нанесено новое поражение при Мадженте, 24 июня австрийцы еще раз были разбиты при Сольферино. Мелкие успехи одержал и Гарибальди со своими альпийскими охотниками, набранными с согласия Кавура. Но победа далась вовсе не легко, военное счастье не раз колебалось для французов, а положение в Италии и в Европе вызывало тревогу Наполеона.

Еще 3 мая Наполеон заявил, что Италия будет свободна «от Альп до Адриатического моря». 8 июня герой Мадженты при въезде в Милан издал следующую прокламацию к итальянцам: «Объединяйтесь с одной целью освобождения вашей страны! Воодушевленные святым патриотическим порывом, будьте сегодня просто солдатами: завтра вы будете свободными гражданами великого государства!». Наполеон однако не думал, что события в Италии пойдут таким быстрым темпом, и надеялся, что, договариваясь с правительством Пьемонта, он достаточно прочно гарантировал желательный с его точки зрения исход событий.

Долго и мучительно подготавливавшееся революционное движение вспыхнуло по всей Италии. Тоскана, Парма и Модена прогнали своих государей. В Папской области тоже было неспокойно. Папские легаты вынуждены были покинуть Романью. Правительства этих областей заявляли о своем желании присоединиться к Пьемонту. На международном горизонте собирались тучи. Пруссия мобилизовала часть своих корпусов. Россия, удовлетворен-

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, с. 209—215.

ная поражением «неблагодарной» Австрии, давала теперь понять, что она не в состоянии предупредить вмешательство Пруссии. Дальнейшее ослабление Австрии и Германии во всяком случае было не в интересах России. Из Франции шли дурные вести о волнении клерикалов, буржуазии и даже крестьян, возбуждаемых духовенством. Игра в демократию грозила обратиться против Наполеона. Тогда Наполеон 8 июля обратился к Австрии с мирным предложением, а 11 июля в Вилла-Франка предписал предварительные условия мира. Австрия уступала Ломбардию Франции, которая в свою очередь должна была передать ее Пьемонту. Венеция оставалась за Австрией, а обещания Наполеона освободить Италию от Альп до Адриатики оказывалось блефом. Герцоги Тосканы и Модены должны были вернуться в свои владения. Папе предлагали произвести некоторые реформы, и снова повторялся план сделать его президентом предполагаемой федерации.

Понимая, что условия мира абсолютно не соответствуют ожиданиям итальянцев, Наполеон отказался пока от присоединения к Франции Ниццы и Савойи.

Это была настоящая измена итальянскому делу. Переговоры велись за спиной у Кавура. Когда подписывался мир, не спрашивали согласия Пьемонта. Разъяренный Кавур устроил бурную сцену своему королю. Наполеон постарался улизнуть от встречи с министром, которого он обманул. «Я понимаю, что граф очень раздражен, — сказал он, — и извиняю его состояние духа... Но в этом мире не всегда удается получить то, чего желаешь. Я охотно готов встретиться с графом в Милане, но с условием, чтобы он не касался того, что произошло».

«Ваш император меня обесчестил, — сказал Кавур одному из приближенных Наполеона в присутствии Л. Кошута, но я вам даю слово, что этого мира не будет. Этот трактат не будет исполнен: если понадобится, я возьму в одну руку Делла-Маргерита (крайнего реакционера. — С. С.) и в другую Мадзини. Я сделаюсь заговорщиком, я превращусь в революционера, но выполнять трактат не стану ни за что на свете и ни при каких условиях»³².

Чтобы не связывать себе руки, Кавур ушел в отставку. Вилла-франкский мир вызвал в Италии всеобщее негодование. Так как Венеция оставалась под властью Австрии и в то же время должна была войти в состав итальянской федерации, снова появлялся призрак австрийского владычества над Италией, восстановления австрийских династий в средних герцогствах, укрепления папы и т. д. Одним словом, Италия снова была у разбитого корыта. Красовавшийся в книжных лавках Турина портрет Наполеона был заменен портретом Орсини. События в Италии пошли однако своим ходом, которого не могли обуздать никакие трактаты, несмотря на то, что Цюрихский мир в ноябре 1859 г. утвердил все положения договора в Вилла-Франке.

Еще в середине июля 1859 г., т. е. до Сольферино, Кавур добился уничтожения таможенных перегородок между среднеитальянскими государствами и Пьемонтом. Став снова у власти 20 января 1860 г., Кавур поддержал движение в этих провинциях в пользу объединения с Пьемонтом. В марте состоялся плебисцит, и присоединение герцогств и Романьи стало совершившимся фактом. Теперь Наполеон предъявил требование об уступке Савойи и Ниццы, от которых он готов был отказаться после того, как его обещания не были исполнены. С большим трудом Кавуру удалось убедить большинство первого итальянского парламента в необходимости принести жертву, несмотря на то, что упреки сыпались на него и слева и справа. «Теперь вы наши сообщники», — ядовито сказал Кавур французскому представителю, намекая

³² M a t t e r, op. cit., vol. III, p. 238—239.

на захватническую политику Франции³³. Действительно теперь у него были развязаны руки, а на юге уже назревали события, которые могли быть использованы Северной Италией для соединения ее с Южной.

22 мая 1859 г. умер неаполитанский деспот Фердинанд II, прославленный в Италии своими безобразиями. Его сын Франциск II заключил договор с папой и стал вести политику, достойную своего великого предшественника. В начале апреля в Палермо вспыхнуло восстание. Оно сделалось прологом революции в Неаполитанском королевстве, в результате которого Южная Италия присоединилась к Северной. История этой революции тесно связана с именем Гарибальди, героя народных легенд, воплотившего в себе романтику итальянской революции. Его страстная натура, его воля, не знавшая преграды, его кипучая деятельность, направленная на защиту пораженных против угнетателей, превратили его в героя национальной эпопеи, в борца за светлое будущее Италии. Было бы странно, если бы такой ловкий делец, как Кавур, не воспользовался обаянием и славой Гарибальди.

Это было тем более удобно, что Гарибальди был плохим политиком. Демократ по рождению и по своей жизни, он не принадлежал ни к какой партии и не был сторонником какой-либо определенной политической программы³⁴.

VI

Несмотря на сопротивление Наполеона, Кавур разрешил Гарибальди во время войны организовать отряд волонтеров, и Гарибальди получил даже чин сардинского генерала. Как мы видели, Гарибальди имел успех в нескольких стычках, хотя как партизан он мало подходил к борьбе с регулярными войсками. Вилла-франкский мир возмутил его до глубины души. Уступка Савойи и его родины Ниццы, казалось, окончательно поссорила его с правительством. Но восстание в Сицилии снова подняло его упавшую веру и энергию. В Генуе образовалась партия, поставившая своей целью оказать активную помощь Сицилии. Ее душой был Мадзини, ее полководцем стал Гарибальди. Правительство Кавура сначала боялось осложнений на юге Италии, но втихомолку Кавур не препятствовал Гарибальди в расчете

³³ Ibid., 319.

³⁴ Гарибальди меньше всего был теоретиком. Выступая повсюду на защиту попранных прав национальности, он привлекал к себе всех энтузиастов, борющихся за восстановление, объединение и независимость наций, находившихся под чужим игом. Поэтому его отряды были всегда интернациональны по своему составу. В своем политическом завещании Гарибальди оставил план будущей Европы, построенной на строго национальном принципе, что означало в первую очередь расчленение Австро-Венгрии (R. M i c h e l s, Italien von Heute, Zurich 1929, S. 8—13). Сейчас Гарибальди пользуется большой популярностью у итальянских фашистов. Но претензии современного итальянского фашизма изобразить себя истинными наследниками Гарибальди являются попытками с негодными средствами. Гарибальди пошумел, что полного и настоящего объединения Италии, объединения «снизу», через победу буржуазно-демократической революции, можно достичь лишь в том случае, если национально-освободительное движение сохранит свой чисто народный характер и не будет стоять ни в какой видимой связи с планами чисто династического расширения (M a r k s, Интересные новости из Сицилии; К. M a r k s и Ф. Э н г е л ь с, Соч., г. XII, ч. 2, с. 96). «Гарибальдизм» — это демократизм эпохи буржуазных революций. Его острое направление против феодализма и деспотизма мелких итальянских тиранов. Он революционен. И с либеральной буржуазией он идет против общего врага — феодального строя. Но он отходит от либерализма, как только эта цель достигнута, и начинает склоняться либо к республиканскому радикализму (Мадзини), либо к социализму (в 70-х годах, правда, с весьма сильной бакунистской окраской). Фашизм — террористическая диктатура крупного капитала — не имеет никаких прав на наследство Гарибальди, этого честного мелкобуржуазного революционера, связанного с Интернационалом, предлагавшего свое оружие для защиты Парижской коммуны.

на то, что он впоследствии пожнет посеянное чужими руками³⁵. Предприятие Гарибальди было на-руку Кавуру, так как не исключена была возможность организации независимой от Пьемонта Южной Италии. Сам Мадзини не склонен был на этот раз протестовать вслух, если бы освобожденное от тирании Бурбонов население Неаполитанского королевства пожелало присоединиться к Пьемонту.

Гарибальди наберявал ставшую знаменитой «тысячу» (1 250 чел.) волонтеров из среды мелкой буржуазии и интеллигенции, горевших желанием сразиться за дело сицилийской революции. В ночь на 6 мая 1860 г. отряд отплыл на двух судах из местечка Кварто, недалеко от Генуи. Счастливая случайность спасла суда Гарибальди от преследования неаполитанских военных судов. 11 мая Гарибальди высадился на берег Сицилии. Почти подавленное движение вспыхнуло с новой силой, и через месяц остров был уже в руках Гарибальди. Его армия росла, как лавина, устремлявшаяся по направлению к матерку. 13 августа Гарибальди переправился на материк и начал с таким же успехом действовать против неаполитанского правительства. «В провинциальных городах Неаполя, как было решено заранее, начались восстания, показавшие, насколько хорошо была организована революционная партия и насколько созрела страна для восстания»³⁶.

Имя Гарибальди привлекало на его сторону крестьянство, до этого времени не принимавшее еще достаточно активного участия в борьбе. В обстановке общего подъема неаполитанские войска «повидимому пришли к заключению, что они достаточно поработали на своего короля»³⁷. Солдаты не оказывали никакого сопротивления. 7 сентября Гарибальди уже достиг Неаполя. Успехи Гарибальди Энгельс объяснял смелой революционной тактикой и его связью с восставшими массами. Увидев, что неаполитанской династии приходит конец, Кавур втихомолку стал действовать и против нее, и против Гарибальди, которого он боялся в один прекрасный день увидеть во главе революции рука об руку с Мадзини.

Пьемонтские войска должны были разделить славу Гарибальди, но Южная Италия должна была достаться Пьемонту неразделенной. Подгоняемый событиями Кавур поспешил на юг. Так как между Северной и Южной Италией лежали папские владения, в Пьемонте нашли, что папские войска совершают неслыханные насилия над гражданами. Пьемонтские войска поспешили на защиту их и заняли папские владения. Под охраной пьемонтской армии был произведен плебисцит, в силу которого вся церковная область, кроме Рима и небольшой территории, отошла к Северной Италии. Захват Неаполя не представлял после этого особых трудностей. Войска Франциска колебались, флот прямо отказался следовать за королем в Гаэту. Советники короля, собираемые посулами Кавура, готовы были предать его каждую

³⁵ Так как предприятие Гарибальди возбудило подозрение австрийского и французского правительств, Кавур 15 мая опубликовал в «Официальной газете» торжественное заявление о том, что его правительство не одобряло этого шага и что предприятие совершилось, «несмотря на бдительность местных властей... Королевский флот получил приказ преследовать пароходы и мешать высадке десанта». В действительности дело обстояло совершенно иначе. Военное снаряжение было получено отрядом при посредстве министра внутренних дел Ла-Фарина из государственных складов, «местные власти» в Генуе отправили своих агентов, чтобы воспрепятствовать посадке гарибальдийцев в западную часть порта, тогда как весь город знал, что посадка производится как раз в противоположном конце; командующий пьемонтским флотом адмирал Персано рассказывает в своих мемуарах, что на вопрос, должен ли он задержать или пропустить корабли гарибальдийцев, он получил от Кавура такой двусмысленный ответ, что оставалось сказать только: «Ага, я понимаю», и корабли были пропущены (M a t t e o, op. cit., vol. III, p. 349).

³⁶ Э н г е л ь с, Продвижение Гарибальди (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XII, ч. 2, с. 144—145).

³⁷ Т а м ж е, с. 147.

минуту. 1 октября при Волтурно произошло самое большое сражение с неаполитанскими войсками. Победа и на этот раз досталась армии Гарибальди. 21 октября 1860 г. плебисцит, производившийся после занятия Неаполя пьемонтскими войсками, на что малодушно согласился Гарибальди, дал большинство в пользу присоединения к Пьемонту. Мелкобуржуазный революционер Гарибальди оказался неспособным использовать победы своих волонтеров в Южной Италии для революционно-демократического объединения Италии. Революция «снизу», вспыхнувшая в Средней Италии и Сицилии, была использована пьемонтской династией и стоявшей за ней буржуазно-помещичьей сворой, чтобы завершить объединение «сверху». Но это наличие революционного национально-освободительного движения, хотя и не сохранившего «свой чисто народный характер», не доразвившегося до полной победы, отличает «итальянский» тип объединения от объединения Германии, где в 60-х годах была налицо лишь революционная ситуация. В Италии это революционное движение было настолько сильно, что даже савойская династия, пожавшая плоды побед гарибальдийцев, вынуждена была «присоединиться» к революции «и этим приобрела себе итальянскую корону»³⁸.

18 февраля 1861 г. первый общенациональный парламент провозгласил короля Виктора-Эммануила королем Италии. Кавур добился своего. Национальное движение удалось ввести в буржуазно-либеральные рамки. В первом парламенте сидели представители 384 365 цензовых избирателей на 21 млн. населения объединенной Италии.

До полного объединения однако не хватало еще Венеции и Рима. В первой господствовали австрийцы, во второй — французы, охранявшие папу. Разгром Австрии при Садовой в 1866 г. дал Италии Венецию, разгром Франции при Седане позволил Виктору-Эммануилу беспрепятственно войти в Рим. Но поражение Австрии и Франции было двумя этапами германского объединения. Всего этого уже не увидел Кавур. 6 июня 1861 г. он умер от воспаления мозга.

25 июля 1860 г. Кавур писал своему другу д' Азеллио: «Единственное средство для того, чтобы не дать Гарибальди заслонить нас собой, это состязаться с ним в смелости и не оставлять за ним монополии на идею объединения, которая в данный момент производит на народные массы неотразимое впечатление». В начале августа он писал другому из своих доверенных людей, Нигре, что правительство должно занять Неаполь и предупредить захват его войсками Гарибальди, дабы он не сделался «полным хозяином положения». В этом случае король Виктор-Эммануил потеряет свой престиж и превратится просто в «друга Гарибальди». «Он, — прибавлял Кавур, — надо полагать, сохранит свою корону, но эта корона будет сиять лишь тем светом, которым этот героический авантюрист найдет нужным ее осветить»³⁹.

Эти заявления Кавура проливают свет на истинный смысл событий и вскрывают роль различных классов итальянского общества в процессе национального объединения. Как крупный политик Кавур лишь точно формулировал те опасения, которые были свойственны почти всей итальянской буржуазии, в особенности на промышленном севере, где ее политический опыт борьбы с пролетариатом дал ей ясное представление о том, какие неприятности грозили ей от всяческих «народных движений». Гарибальди в качестве «хозяина положения» — ведь это значило, что

³⁸ Э н г е л ь с, Силы и экономика в образовании Германской империи, изд. 1923 г., с. 27.

³⁹ M a t t e r, op. cit., vol. III, p. 378.

начинается революция, та самая «революция снизу», предупредить которую Кавур считал своей задачей в течение всей жизни. В переписке Кавура, относящейся к решающим дням неаполитанской революции, все время сквозит страх перед тем, как бы вместе с Гарибальди действительным хозяином положения не оказался Мадзини, который в это время развивал бешеную деятельность в Неаполе. Ведь это означало если не республику — Кавур не без основания считал партию Мадзини слишком слабой перед бронированным кулаком Пьемонта, — то во всяком случае серьезные осложнения и быть может нечто худшее, чем сам Мадзини, который в конце концов дальше требования единой и нераздельной республики не шел, тогда как с «народным воодушевлением», сопровождавшим движение Гарибальди, ставился на очередь аграрный вопрос⁴⁰.

Но и то, что должно было стать несомненным следствием союза Гарибальди и Мадзини, который намечался в эти дни, — излишняя с точки зрения северной буржуазии и ее агента Кавура самостоятельность юга и возможное увеличение его удельного веса в будущей общеитальянской монархии, — было тоже фактом, достаточно неприятным для них. «Состязание в смелости» с Гарибальди прямо диктовалось Кавуру интересами промышленности севера, тем более, что при создавшейся обстановке особой смелости и не требовалось. Пьемонтская войска, завершавшее дело национального объединения, не только сорвали «революцию снизу», но и совершали завоевание юга для промышленности севера. Кавур никогда не смотрел на объединение восторженными глазами демократического юношества, видевшего в нем великую идею, принесенную веком Великой революции. Он хотел стать «хозяином положения» в буквальном смысле этого слова, т. е. прибрать к рукам юг — будущий рынок североитальянской промышленности. Едва было провозглашено присоединение Неаполя к Пьемонту, как пьемонтские войска потопили в потоках крови массовое восстание сицилийских крестьян, поднявшихся против помещиков. «С подобным врагом милосердие оказывается преступлением. Огнем и мечом разорим мы эти области», — писал в одном из своих приказов генерал Панели. Революция «снизу» потерпела поражение. «С нами здесь обходятся как с завоеванной страной», — писал неаполитанский историк и экономист Роберто Саварезе 13 июля 1861 г., жалуясь другу на поведение пьемонтцев, которые закрыли казенный металлургический завод⁴¹. Это

⁴⁰ Монданини («I moti politici del' 48 e la setta della «Unita Italiana» in Basilicata», p. 73 и др.) говорит, что «колоня Пьетрагаллы в Базиликате отказались вносить клиру и герцогу Казаластро платежи, заявляя, что в силу конституции они освобождены от уплаты повинностей». Anzelotti, op. cit., p. 240). Это явление было весьма распространено.

⁴¹ Письмо Саварезе к Вьенси опубликовано в работе Anzelotti (op. cit., p. 218—222). В письме, датированном 18 июля 1861 г., Саварезе изображает пьемонтское «завоевание» неаполитанского королевства. «О Неаполе, — пишет Саварезе, — чрезвычайно трудно иметь правильное представление и в спокойные времена даже тому, кто родился и состарился в нем. Представьте же теперь, что там делается, когда в нем идет настоящее столпотворение вавилонское. Не доверяйтесь, дорогой друг, словам некоторых наших ораторов, когда они говорят в парламенте, что идея итальянского единства сделала гигантские успехи или проникла в самые недра народа. Со временем может быть так и будет. Сейчас это еще не так и не может быть так, если только не произойдет настоящего чуда. Италия жива в разуме и сердце людей образованных, учащейся молодежи, одним словом, немногих. Массу нельзя привести в движение отвлеченными идеями. Народ устал от дурного правительствa и захотел хорошего. В силу этого он покинул Бурбонов, пошел под знамена Гарибальди и провозгласил единство Италии. Но не будем обманывать себя словами. Италия, которая для нас — цель, для девятьсот девяносто девяти из тысячи моих земляков — просто средство получить хорошее управление. Поэтому, если управление будет хорошим, они превратятся в самых горячих патриотов, если же нет, то они останутся

была очень меткая характеристика, подтверждающаяся деятельностью Кавура и узкого кружка политиков во главе с его доверенным человеком Ла-Фариной, которые составляли некую особую группу в «Национальном обществе». Это были те самые выходцы из различных государств Италии, которые с начала революции и изгнания государей «милостью божией» из мелких государств Средней Италии направляли всю свою энергию на то, чтобы обуздать революцию и привести ее в фарватер пьемонтской политики. Вездесущий Ла-Фарина, проводивший плебисциты о присоединении к Пьемонту в Средней Италии, теперь как сицилиец был послан на родину наводить порядок и предупредить анархию. Здесь он так усердствовал, что возму-

теми, кем они сейчас являются, т. е. неаполитанцами, и бог знает, что может от этого последовать.

... Я слышал от весьма основательных людей, что в октябре (1860 г.—С. С.) за исключением немногочисленных полицейских и прощтрафившихся солдат у Бурбонов не было приверженцев. Сейчас этого нельзя было бы сказать. Наибольшая и наиболее богатая часть аристократии стала на сторону Бурбонов, Бурбонам сочувствует клир, большое количество чиновников, лишенных неизвестно, собственно, за что должностей и немало людей всякого рода, или обиженных новым правительством, или не сумевших ничего заполучить от него. Зло началось еще со времени диктатуры (Гарибальди.—С.С.). Но Гарибальди сохраняет свою популярность главным образом в простонародье, и, быть может, поэтому было упущено время, когда его можно было погубить. Его помощники не могли претендовать на пощадку, и их обвинили в своих и чужих ошибках. Среди тысячи вы едва ли найдете одного, который их не бранил бы.

... После Гарибальди думали больше о разрушении, чем о созидании. Войска Бурбонов были отпущены, и быть может иначе нельзя было и поступить. Их нельзя было приучить к порядку и дисциплине, а, включив их в национальную армию, можно было заразить и разложить всех остальных... Но, распуская солдат по домам, можно ли было предоставить их самим себе без всякого надзора и заботы. Не учли того обстоятельства, что солдаты, нуждающиеся и безработные и кроме этого подстрекаемые золотом Рима, обратятся к ремеслу разбоя, к которому естественно (!) так предрасположены крестьяне большинства наших провинций. Но это не все. Вернувшихся в свои деревни надо было держать под неусыпным оком полиции, главой которой был в каждом округе королевский судья и в распоряжении которого были жандармы. И что же? В это самое время жандармы были распущены и, до того как была организована вооруженная стража, функции жандармов были переданы национальной гвардии. А от королевских судей в силу нового закона от администрации отобрали главенство над окружной полицией и передали ее в ведение синдиков каждой общины. Если бы толпа школьников в свободное от занятий время вздумала бы управлять страной, она не наделала бы больших глупостей. Полицейская власть в руках синдиков и национальной гвардии наших деревенских общин, раздражаемых почти повсюду враждой, есть не что иное, как гражданская война, и таковая действительно имела место вслед за этим. В данный момент состояние наших провинций, не принимая во внимание соответствующей разницы во времени, то же, что и в 1799 г., по описанию Винченцо Кого. В городе царит национальная гвардия, а с нею и некоторое подобие порядка. В деревне снуют разбойники (briganti), захватывают земли, жгут хлеб, и нет ничего невозможного в том, что после того как погибло зерно Пульи, мы окажемся перед угрозой полного голода и отчаяния. Все эти ужасы повторяются не только в отдельных провинциях, но тут же, у ворот Неаполя.

... Если бы я мог и хотел обозреть одну за другой все отрасли общественного управления, Вы увидели бы повсюду то же самое. Ни у кого не было охоты реставрировать или подновлять старое, хотелось перделать все заново, а в результате все время разрушали, не создавая взамен ничего. И так поступали не только в отношении к вещам, но и к лицам. Выгнали старых чиновников, но новых у нас нет и до сих пор. Пол-миллиона людей не должны быть обречены на голодную смерть и на пребывание в бездеятельности. А об этом никто не думает. Я приведу Вам пример, который у меня перед глазами. Недалеко от того места, где я живу, между Портучи и Сан-Джованни имеется великолепная казенная литейня. Там делают машины, пушки, снаряды и тысячу всяких других вещей. Верите ли, хотят ее продать. Я знаю, что такого рода предприятия процветают лучше, когда находятся в частных руках, а не в руках правительства. Но мне кажется, что сейчас не время применять с такой строгостью доктрины политической экономии. Если правительство имеет подобные предприятия в Пьемонте, почему не иметь их также и в Неаполе. А между тем страна волнуется, говорит, что это война, объявленная неаполитанской промышленностью, и что все должно идти из Пьемонта, и многие делают отсюда заключение, грубо выраженное в таких словах: «с нами поступают, как с завоеванной страной».

щенные земляки заставили в конце концов Гарибальди арестовать его и выслать из Сицилии.

VII

Добролюбов, хорошо знавший Италию середины века по личным наблюдениям, в статье «Два графа» дал блестящую характеристику политики Кавура, сохранившую свою свежесть и в наши дни. Сравнивая его с французским правым политиком, воинствующим католиком и убежденным оппортунистом, тоже графом—Монталамбером,—Добролюбов писал: «Для того чтобы свобода не была уж слишком свободна, оба графа готовы на все. И, во-первых, они любят, чтобы она была не взята, а дарована, пожалована, так сказать. Они воображают, что когда люди получают свободу свою «по милости», по великодушию других, то они будут всегда скромнее и спокойнее, нежели когда они воображают, что свобода — это их право и что получением этого права они обязаны самим себе. Вот почему граф Кавур с графом Бальбо и еще несколькими графами и маркизами еще в 1848 г. печатали в «Risorgimento» прошение к королю Фердинанду (неаполитанскому.—С.С.), чтобы он сделался либералом... Вот почему граф Кавур хотел, чтобы освобождение Италии совершалось непременно Наполеоном III... Зато, если судьба им улыбается, наши близнецы-графы немедленно взлетают на седьмое небо и трубят о спасении свободы от анархии. Выше мы привели то место письма графа Монталамбера, где он так восторженно говорит о Пие IX как творце итальянской независимости, и уверяет, что успех дела свободы оттого только произошел, что оно исторгнуто было из рук святейшего отца и попало в руки «неблагодарности, насилия и обмана». Можно было думать, что этакое рода воззрение несколько отдаляет французского оратора от пьемонтского дипломата. Ничуть не бывало! Вся Европа имела случай убедиться, что граф Кавур одушевляется такими же идеями и чувствами. В ноте прусскому правительству он говорит... что Пьемонт затем именно и вмешался в чужие дела, что дело свободы попало в руки мошенников и головорезов, что надо было смирить и уничтожить дух революции в Италии. Говорят, будто все это — дипломатическая вежливость в отношении к Пруссии, но мы с своей стороны не имеем на этот раз никаких причин подозревать искренность графа Кавура. Дела говорят лучше слов... Если он иногда и принужден был казаться сочувствующим беспokoйным людям, то всегда неутомимо старался выйти из такого ложного положения, хотя бы для этого нужно было пуститься в другую крайность... Так видели мы, что он едва только увидел, что Гарибальди — человек беспokoйный, как немедленно направил против него все усилия своего проникательного гения и еще в Сицилии хотел покончить диктатора посредством Ла-Фарина, а потом объявил его в своем журнале «безумцем» и «препятствием итальянской независимости»⁴².

Если политика Кавура дает нам представление о том, чего добивалась и как осуществляла свою программу «революция сверху», то судьба Гарибальди помогает нам понять причины неудачи «революции снизу». В самом деле, на вершине своей славы и успеха, в триумфальном шествии захвативший самое крупное из итальянских государств, он вдруг как-то быстро исчезает со сцены, проявляет казалось бы непонятную уступчивость перед требованиями Пьемонта и Кавура и скромно удаляется от дел, можно сказать, в добровольное изгнание на свою родину, о Капреру. Потому ли, что он был только героем, но не был вождем? Известно например, что Маркс не очень высоко ценил способности Гарибальди именно как вождя. Или может быть потому, что он был обижен королем Виктором-Эммануилом, который при торжественном свидании с героем 23 октября 1860 г. у Кай-Риено недале-

⁴² Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., изд. Панафидиной, СПб 1911 г., т. IV, с. 556—557.

ко от Теано, говорят, не пригласил Гарибальди даже к своему столу, так как его свите не нравилась красная рубашка Гарибальди; королю не пришлось по вкусу то обстоятельство, что массы приветствовали Гарибальди с большим воодушевлением, чем его самого,— и герой, говорят, пообедал у себя на конюшне хлебом, сыром и водой. Все это верно, верно и то, что Гарибальди ушел со сцены с «бурею в душе», оставшись все же как истинный герой настолько великодушным, чтобы при первой же необходимости снова броситься в битву, не думая о том, кому достанутся плоды его побед. Но, конечно, дело было не в этом.

Какие реальные силы стояли за Гарибальди летом 1860 г., что обеспечило ему такой головокружительный и в конце концов легкий успех, и нет ли во всем этом разгадки для, казалось бы, в такой мере странного поведения Гарибальди, которое даже дало Маттеру повод думать, что вся тактика Гарибальди в 1860 г. была заранее предусмотрена и согласована с пьемонтским правительством? Кто обеспечил Гарибальди победу летом 1860 г.? Тот же Саварезе прямо указывает, что Гарибальди пользовался до конца популярностью больше всего среди простого народа (*Ma Garibaldi conserva la popolarità massime nel popolo minuto*). Тайна его успеха заключалась в том, что за ним шла нарастающая волна крестьянского движения. В его войске, которое росло, как снежный ком, по мере того, как он двигался сначала от края и до края Сицилии, а затем от Реджио к Неаполю, принимали участие, а еще больше помогали ему, не включаясь непосредственно в его армию, знаменитые неаполитанско-сицилийские разбойники, те же крестьянские сыны, ненависть которых к существующему социальному порядку, лишившему их земли и куска насущного хлеба, находила свое выражение в постоянном разбое. Но Гарибальди не смог оторваться от своего класса, от мелкой буржуазии, которая как раз на юге боялась народной революции не в меньшей степени, чем промышленная буржуазия на севере. В массе буржуазия юга с недоверием относилась и к самим пьемонтцам, боясь захвата победителями местных должностей и доходов, но из двух зол она выбрала меньшее и поставила свою земельную собственность под защиту пьемонтских штыков. Гарибальди предстояло сделать выбор: либо стать во главе крестьянского движения, либо уйти от дел. В его судьбе как бы повторялась история всей итальянской буржуазной демократии: она тоже дала мучеников и героев, но не создала вождей. В конечном счете победило не воссоединение Италии «снизу», путем буржуазно-демократической революции, а воссоединение «сверху», потому что мелкая буржуазия боялась крестьянской революции и оказалась неспособной вовлечь в движение мелкое крестьянство и возглавить его; а итальянский пролетариат был еще слишком слаб и неорганизован, чтобы стать гегемоном национально-освободительного движения и провести объединение Италии в интересах широких народных масс.

Даже буржуазные новейшие итальянские историки, выступившие против традиционной истории *Risorgimento* с ее напыщенно-патристической декларацией, дали много нового и интересного материала, разрушившего эту творимую десятилетиями легенду. И они вынуждены признать реакционную роль итальянской буржуазии вообще и буржуазии юга в частности. Мондаини⁴³ установил, что расхитившие в половине XIX в. домениальные земли неаполитанские «дворянчики» (*galantuomini*), которые в 1848 г. храбро выступали во главе либерального движения, добываясь коммунальной автономии, чтобы захватить в свои руки власть на местах, тогда же столкнулись с фактом нарастания крестьянского движения, грозившего их земельной собственностью. Он говорит, что крестьяне под конституцией понимали раздел доменов

⁴³ Anzelotti (цит. соч., с. 242) дает эту характеристику, цитируя работы: Mondaini, цит. соч., Nicastro, *Dal Quarantotto al Sessanta*, Milano 1913.

и захват земли. Непосредственно после революции 1848 г. в среде этой буржуазии создаются кружки для охраны общественного порядка и противодействия революционному движению крестьянства. Если последовавшая за «безумным годом» реакция смела и без того очень скромные завоевания буржуазии, то 1860 г. принес ей полное удовлетворение. В то время как Гарибальди с триумфом идет вперед к Неаполю и славе, более трезвые «дворянчики» устремляются на захват муниципальных должностей, которые для них важны не только сами по себе, но и как средство защиты их собственности. Загорается мелкая борьба провинциальных честолюбий, драка за места в самоуправлении, причем противники и конкуренты бросают в лицо друг другу обвинения в бурбонизме. «Так эпопея 60-го года совершается на темном фоне муниципальных дрязг и борьбы за земельную собственность»⁴⁴.

Последствия «революции сверху» проявили себя немедленно же после объединения. Обманутое крестьянство ответило колоссальным развитием разбойничества, подавляемого в течение десятилетий с неслыханной жестокостью войсками объединенной Италии, которые сжигали целые села и нередко поголовно расстреливали попавших в плен. Крестьянское безземелье в местах, особенно густо населенных, как например в Тоскане, привело к взвинчиванию арендных цен до уровня «голодной аренды» и к замене испольщины денежной арендой, которая поглотила не только земельную ренту, но и значительную долю заработной платы мелкого землевладельца. По мере того как с усилением центральной власти разбой как форма протеста становился все менее возможным, росла эмиграционная волна, которая к концу века достигла огромной цифры в полмиллиона ежегодно на 28 млн. всего населения Италии — цифра, неизвестная ни в одной стране Западной Европы.

⁴⁴ N i c a s t r o, цитируем по Anzelotti, с. 241.